

ПАМЯТНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ

МАРИНА
ЦВѢТАЕВА

Лебединый станъ

«Если когда-нибудь – хоть через сто
лѣтъ – будетъ печататься, прошу
печатать по старой орѳографіи.»
Марина Цвѣтаева

ImWerdenVerlag
München 2006

На кортикъ своемъ: Марина —
Ты начерталь, вставъ за Отчизну.
Была я первой и единой
Въ твоей великолѣпной жизни.

Я помню ночь и ликъ пресвѣтлый
Въ аду солдатскаго вагона.
Я волосы гоню по вѣтру,
Я въ ларчикъ храню погоны.

Москва, 18го января 1918 г.

Надъ церкóвкой — голубыя облака,
Крикъ вороній...
И проходятъ — цвѣта пепла и песка —
Рѣволюціонныя войска.
Охъ ты барская, ты царская моя тоска !

Нѣту лицъ у нихъ и нѣтъ именъ, —
Пѣсень нѣту !
Заблудился ты, кремлевскій звонъ,
Въ этомъ вѣтреномъ лѣсу знаменъ.
Помолись, Москва, ложись, Москва, на вѣчный сонъ !

Москва, 2го марта 1917 г.

Ц а р ю — н а П а с х у

Настежь, настежь
Царскія врата !
Сгасла, схлынула чернота.
Чистымъ жаромъ
Горить алтарь.
— Христось Воскресе,
Вчерашній царь !

Паль безъ славы
Орель двуглавый.
— Царь ! — Вы были неправы.

Помянётъ потомство
Еще не разъ —
Византійское вѣроломство
Вашихъ ясныхъ глазъ.

Ваши судьи —
Гроза и валъ !
Царь ! Не люди —
Васъ Богъ взыскалъ.

Но нынче Пасха
По всей странѣ.
Спокойно спите
Въ своемъ Селѣ,
Не видьте красныхъ
Знаменъ во снѣ.

Царь ! — Потомки
И предки — сонъ.
Есть — котомка,
Коль отнять — тронъ.

Москва, 2^ю апрѣля 1917 г., первый день Пасхи.

За Отрока — за Голубя — за Сына:
За царевича младого Алексія
Помолись, церковная Россія !

Очи ангельскія вытри,
Вспомяни какъ палъ на плиты
Голубь углицкій — Димитрій.

Ласковая ты, Россія, мать !
Ахъ, ужели у тебя не хватить
На него — любовной благодати ?

Грѣхъ отцовскій не карай на сынѣ.
Сохрани, крестьянская Россія,
Царскосельскаго ягненка — Алексія !

4^ю апрѣля 1917 г., третій день Пасхи.

Чуть свѣтаетъ —
Спѣшить, сбѣгается
Мышиной стайей
На звонъ колокольный
Москва подпольная.

Покидаютъ норы —
Старухи, воры.
Ведутъ разговоры.

Свѣчи горять.
Сходитъ Духъ
На малыхъ ребятъ,
На полоумныхъ старухъ.

Въ полумракѣ,
Нехотя, кое-какъ
Бормочетъ дьякъ.

Изъ черной тряпицы
Выползаютъ на свѣтъ Божій —
Гроши нищіе,
Гроши острожные,
Пóтомъ и кровью добытые
Гроши вдовьи,
Про черный день
Да на поминъ души
Отложенные.

Тáкъ, на разсвѣтѣ,
Ставятъ свѣчи,
Вынимаютъ просфóры —
Старухи, воры:
За животъ, за здравіе
Раба Божьяго — Николая.

Тáкъ, на разсвѣтѣ,
Темный свой пиръ
Справляетъ подполье.

10го апрѣля 1917 г.

И кто-то, упавъ на карту,
Не спитъ во снѣ.
Повѣяло Бонапартомъ
Въ моей странѣ.

Кому-то гремять раскаты:
— Гряди, женихъ !
Летить молодой диктаторъ,
Какъ жаркій вихрь.

Глаза надъ улыбкой шалой —
Что ночь безъ звѣздъ !
Горитъ на мундирѣ впаломъ —
Солдатскій крестъ ! *

Народы призывалъ къ покою,
Смирилъ ознобъ —
И дышитъ, зажавъ рукою
Вселенскій лобъ.

21ое мая 1917 г., Троицынъ день.

Изъ строгаго, стройнаго храма
Ты вышла на визгъ площадей...
— Свобода ! — Прекрасная Дама
Маркизовъ и русскихъ князей.

Свершается страшная спѣвка, —
Объдня еще впереди !
— Свобода ! — Гулящая дѣвка
На шалой солдатской груди !

26ое мая 1917 г.

[Бальмонтъ, выслушавъ: — Мнѣ не нравится — твое презрѣніе къ дѣвкѣ !
Я — обиженъ за дѣвку ! Потому-что — (блаженно-заведенные глаза) —
иная дѣвка... Я: — Какъ ж а л ь, что я не могу тебѣ отвѣтить: —
«Какъ и иной солдатъ...»]

Голубья, какъ небо, воды,
И серебряныхъ двѣ руки.
Мало лѣтъ — и четыре года:
Ты и я — у Москвы-рѣки.

Лодки плыли, гудки гудѣли,
Распоясанный брелъ солдатъ.
Ребятишки дрались и пѣли
На отцовскій унылый ладъ.

На ревнителей бога Марса
Ты тихонько кривила ротъ.

* Крестъ, на какомъ-то собраніи, сорванный съ груди солдатомъ и надѣтый на грудь Керенскому. См. газеты
лѣта 1917 г. М. Ц.

Ледяными глазами барса
Ты глядѣла на этотъ сбродъ.

Былъ твой ликъ среди этихъ, темныхъ,
До сіянья, до блеска — бѣлъ.
Не забуду — а ты не вспомнишь —
Какъ одинъ на тебя глядѣлъ.

6^{то} іюня, 1917 г.

[NB ! съ ненавистью — какъ мнѣ тогда показалось, и весь этотъ стихъ —
отвѣтъ на этотъ классовый ненависти — взглядъ. МЦ — 1938 г. — при
перепискѣ.]

Юнкерамъ, убитымъ въ Нижнемъ

Сабли взмахъ —
И вздохнули трубы тяжко —
Провожать
Легкій прахъ.
Съ вѣткой зелени фуражка —
Въ головахъ.

Глуше, глуше
Праздный гуль.
Отдадимъ послѣдній долгъ
Тѣмъ, кто долгу отдалъ — душу.
Гуль — смолкъ.
— Слуша-ай ! На́ — кра-уль !

Три фуражки.
Трубный звонъ.
Рвется сердце.
— Какъ, безъ шашки ?
Безъ погонь
Офицерскихъ ?
Поутру —
Въ безымянную дыру ?

Смолкли трубы.
Доброй ночи —
Вамъ, разорванные въ клочья —
На посту !

17^{то} іюля 1917 г.

Ночь. — Нордъ-Остъ. — Ревъ солдатъ. — Ревъ волнь.
Разгромили винный складъ. — Вдоль стѣнь
По канавамъ — драгоцѣнный потокъ,
И кровавая въ немъ пляшетъ луна.

Ошалѣлые столбы тополей.
Ошалѣлое — въ ночи — пѣнье птицъ.
Царскій памятникъ вчерашній — пусть,
И надъ памятникомъ царскимъ — ночь.

Гавань пьетъ, казармы пьютъ. Миръ — нашъ !
Наше въ княжескихъ подвалахъ вино !
Цѣлый городъ, топоча какъ быкъ,
Къ мутной лужѣ припадая — пьетъ.

Въ винномъ облакѣ — луна. — Кто здѣсь ?
Будь товарищемъ, красотка: пей !
А по городу — веселый слухъ:
Гдѣ-то двое потонули въ вине.

Ееодосія, послѣдніе дни Октября.
[NB ! Птицы были — пьяныя.]

Плохо сильнымъ и богатымъ,
Тяжко барскому плечу.
А вотъ я передъ солдатомъ
Свѣтлыхъ глазъ не опуцу.

Городъ буйствуетъ и стонетъ,
Въ винномъ облакѣ — луна.
А меня никто не тронетъ:
Я надменна и бѣдна.

Ееодосія, конецъ Октября.

Корниловъ

...Сынъ казака, казакъ...
Такъ начиналась — рѣчь.
— Родина. — Врагъ. — Мракъ.
Всѣмъ головами лечь.
Бейте, попы, въ набатъ.
— Нечего ѣсть. — Честь.
— Не терять ни дня !
Долженъ солдатъ
Чистить коня...

4го декабря 1917 г.

NB ! Я уже тогда поняла, что это: «Да, и солдатъ долженъ чистить своихъ лошадей !» [Москва, лѣто 1917 г. — рѣчь на Московскомъ Совѣщаніи] — куда дороже всего Керенского (какъ мы тогда говорили.)

Москвѣ

1

Когда рыжеволосый Самозванецъ
Тебя схватилъ — ты не согнула плечъ.
Гдѣ спѣсь твоя, княгинюшка ? — Румянецъ,
Красавица ? — Разумница, — гдѣ рѣчь ?

Какъ Петръ-Царь, презрѣвъ законъ сыновній,
Позарился на голову твою —
Боярыней Морозовой на дровняхъ
Ты отвѣчала Русскому Царю.

Не позабыли огненнаго пойма
Буонапарта хладныя уста.
Не въ первый разъ въ твоихъ соборахъ — стойла.
Все вынесутъ кремлевскіе бока.

9го декабря 1917г.

2

Гришка-Воръ тебя не ополячилъ,
Петръ-Царь тебя не онѣмечилъ.
Что ты дѣлаешь, голубка ? — Плачу.
Гдѣ же спѣсь твоя, Москва ? — Далече.

— Голубочки гдѣ твои ? — Нѣтъ корму.
— Кто унесъ его ? — Да воронъ черный.
— Гдѣ кресты твои святыя ? — Сбиты.
— Гдѣ сыны твои, Москва ? — Убиты.

10го декабря 1917г.

3

Жидкій звонъ, постный звонъ.
На всѣ стороны — поклонъ.

Крикъ младенца, ревъ коровы.
Слово дерзкое царёво.

Плёткокъ свистъ и снѣгъ въ крови.
Слово темное Любви.

Голубинный рокотъ тихій.
Черные глаза Стрѣльчихи.

10го декабря 1917г.

Кровныхъ коней запрягайте въ дровни !
Графскія вина пейте изъ лужъ !
— Единодержцы штыковъ и душъ ! —
Распродавайте — на вѣсь — часовни,
Монастыри — съ молотка — на сломъ.

Рвитесь на лошади въ Божій домъ !
Перепивайтесь кровавымъ пойломъ !

Стойла — въ соборы ! Соборы — въ стойла !
Въ чортову дюжину — календарь !
Нась подъ рогожу за слово: царь !

Единодержцы грошей и часа !
На куполахъ вымѣщайте злость !
Распродавая насъ всѣхъ на мясо,
Рабъ худородный увидить — Расу:
Черная кость — бѣлую кость.

Москва, 9го марта 1918 г. Первый день весны.

Донъ

1

Бѣлая гвардія, путь твой высокъ:
Черному дулу — грудь и високъ.

Божье да бѣлое твое дѣло:
Бѣлое тѣло твое — въ песокъ.

Не лебедей это въ небѣ стая:
Бѣлогвардейская рать святая
Бѣлымъ видѣніемъ таетъ, таетъ...
Стараго міра — послѣдній сонъ:
Молодость — Доблесть — Вандея — Донъ.

11го марта 1918 г.

Кто уцѣлѣлъ — умереть, кто мертвъ, — воспрянетъ.
 И вотъ потомки, вспомнивъ старину:
 — Гдѣ были в ы ? — Вопросъ какъ громомъ грянетъ,
 Отвѣтъ какъ громомъ грянетъ: — На Дону !

— Что дѣлали ? — Да принимали муки,
 Потомъ устали и легли на сонъ.
 И въ словарь задумчивые внуки
 За словомъ: долгъ напишутъ слово: Донъ.

30го марта 1918 г.
 NB ! мои любимые.

3

Волны и молодость — внѣ закона !
 Тронулся Донъ. — Погибаемъ. — Тонемъ.
 Вѣтру вѣковъ довѣряемъ снести
 Внукамъ — лихую вѣсть:

Да ! Проломилась донская глыба !
 Бѣлая гвардія — да ! — погибла.
 Но покидая дѣтей и женъ,
 Но уходя на Донъ,

Бѣлою стаей летя на плаху,
 Мы за одно умирали: хаты !
 Перекрестясь на послѣдній храмъ,
 Бѣлогвардейская рать — вѣкамъ.

Москва, Благовѣщеніе 1918 г. — дни разгрома Дона.

Идетъ по луговинамъ литія.
 Таинственная книга бытія
 Россійскаго — гдѣ судьбы міра скрыты —
 Дочитана и наглухо закрыта.

И рыщетъ вѣтеръ, рыщетъ по степи:
 — Россія ! — Мученица ! — Съ миромъ — спи !

17го марта 1918 г.

Трудно и чудно — вѣрность до гроба !
 Царская роскошь — въ вѣкъ площадей !

Стойкія души, стойкія ребра, —
Гдѣ вы, о люди минувшихъ дней ? !

Рыжимъ татаринѡмъ рыщеть вольность,
Съ прахомъ равняя алтарь и тронъ.
Надъ пепелищами — ревъ застольный
Бѣглыхъ солдатъ и невѣрныхъ женъ.

29го марта 1918 г.

Андрей Шенье

1

Андрей Шенье взошелъ на эшафотъ.
А я живу — и это страшный грѣхъ.
Есть времена — желѣзныя — для всѣхъ.
И не пѣвецъ, кто въ порохѣ — поеть.

И не отецъ, кто съ сына у воротъ
Дрожа срываетъ воинскій доспѣхъ.
Есть времена, гдѣ солнце — смертный грѣхъ.
Не человекъ — кто въ наши дни — живетъ.

4го апрѣля 1918 г.

2

Не узнаю въ темнотѣ
Руки — свои или чужія ?
Мечется въ страшной мечтѣ
Черная Консьержерія.

Руки роняютъ тетрадь,
Щупаютъ тонкую шею.
Утро крадѣтся какъ тать.
Я дописать не успѣю.

4го апрѣля 1918 г.

...О, самозванцевъ жалкія усилія !
Какъ сонъ, какъ снѣгъ, какъ смерть — святыни — всѣмъ.
Запретъ на Кремль ? Запрета нѣтъ на крылья !
И потому — запрета нѣтъ на Кремль !

Страстной понедѣльникъ 1918 г.

Коли въ землю солдаты всадили — штыкъ,
Коли красною тряпкой затмили — Ликъ,*
Коли Богъ подь ударами — глухъ и нѣмъ,
Коль на Пасху народъ не пустили въ Кремль —

Надо бражникамъ старымъ засѣсть за холстъ,
Рыбамъ — пѣть, бабамъ — умствовать, птицамъ — ползть,

Конь на всадникѣ долженъ скакать верхомъ,
Новорóжденныхъ надо поить виномъ,**

Рѣки — жечь, мертвецовъ выносить — въ окно,
Солнце красное въ полночь всходить должно,
Имя суженой долженъ забыть женихъ...
Государынямъ нужно любить — простыхъ.***

3ий день Пасхи 1918 г.

Это просто, какъ кровь и потъ:
Царь — народу, царю — народъ.

Это ясно, какъ тайна двухъ:
Двое рядомъ, а третій — Духъ.

Царь съ небесъ на престолъ взведенъ:
Это чисто, какъ снѣгъ и сонъ.

Царь опять на престолъ взойдетъ —
Это свято, какъ кровь и потъ.

24ое апрѣля 1918 г., 3ий день Пасхи (а оставалось ему жить
меньше трехъ мѣсяцевъ !)

Орель и архангелъ ! Господень громъ !
Не храмъ семиглавый, не царскій домъ
Да будетъ тебѣ гнѣздомъ.

Нѣтъ, — Красная площадь, гдѣ весь народъ !
И — Лобное мѣсто сравнявъ — въ походъ:
Птенцовъ — собирать — сиротъ.

* Красный флагъ, к-ымъ завѣсили ликъ Николая Чудотворца. Продолженіе извѣстно.

** Поили: г-жу де Жанлисъ. Въ Бургундіи. Называлось «la miaulée». И жила, кажется, до 90-ста лѣтъ. Но была ужасная лицемѣрка.

*** — Любили.

Народъ обезглавленъ и ждетъ главы.
Ужъ воздуху нѣту ни въ чьей груди.
Архангель ! — Орель ! — Гряди !

Не зарева рыщутъ, не вихрь встаетъ,
Не радуга пышетъ съ небесь, — то Петръ
Птенцамъ производитъ смотръ.

24^{то} апрѣля 1918 г., третій день Пасхи.

Московскій гербъ: герой пронзаетъ гада.
Драконъ въ крови. Герой въ лучѣ. — Такъ надо.

Во имя Бога и души живой
Сойди съ воротъ, Господень часовой !

Верни намъ вольность, Воинъ, имъ — животь.
Стражъ роковой Москвы — сойди съ воротъ !

И докажи — народу и дракону —
Что спять мужи — сражаются иконы.

Богъ — правъ
Тлѣніемъ травъ,
Сухостью рѣкъ,
Воплемъ калѣкъ,

Воромъ и гадомъ,
Моромъ и гладомъ,
Срамомъ и смрадомъ,
Громомъ и градомъ.

Пóпраннымъ Словомъ.
Прóклятымъ годомъ.
Плѣномъ царёвымъ.
Вставшимъ народомъ.

29^{то} апрѣля 1918 г.
[NB ! Очевидно, нужно понять: Богъ всё-таки правъ,
правъ — вопреки].

Семь мечей пронзали сердце
Богородицы надъ Сыномъ.
Семь мечей пронзили сердце,
А мое — семижды семь.

Я не знаю, живъ ли, нѣтъ ли
Тотъ, кто мнѣ дороже сердца,
Тотъ, кто мнѣ дороже Сына...

Этой пѣсней — утѣшаюсь.
Если встрѣтится — скажи.

12го мая 1918 г.

Мракобѣсїе. — Смерчъ. — Содомъ.
Берегите Гнѣздо и Домъ.
Долгъ и Вѣрность спустивъ съ цѣпи,
Человѣкъ молодой — не спи !
Въ воротáхъ, какъ Благая Вѣсть,
Бѣлымъ стражемъ да встанетъ — Честь.

Обведите свой домъ — межой,
Да не внидетъ въ него — Чужой.
Берегите отъ злобы волнъ
Садикъ сына и дѣдовъ холмъ.
Подъ ударами злой судьбы —
Выше — прадѣдовы дубы !

24го мая 1918 г.

Бѣлизна — угроза Чернотѣ.
Бѣлый храмъ грозитъ гробамъ и грому.
Блѣдный праведникъ грозитъ Содому
Не мечомъ — а лиліей въ щитѣ !

Бѣлизна ! Нерукотворный кругъ !
Чанъ крестильный ! Вѣщїя сѣдины !
Червь и чернь узнають Господина
По цвѣтку, цвѣтущему изъ рукъ.

Только агнца убоится — волкъ,
Только ангелу сдается крѣпость.
Торжество — въ подвалахъ и въ вертепахъ !
И взойдетъ въ Столицу — Бѣлый полкъ !

25го мая 1918 г.

— Гдѣ лебеди ? — А лебеди ушли.
— А вóроны ? — А вóроны — остались.
— Куда ушли ? — Куда и журавли.
— Зачѣмъ ушли ? — Чтобъ крылья не достались.

— А папа гдѣ ? — Спи, спи, за нами Сонъ,
Сонъ на степномъ конѣ сейчасъ прїѣдетъ.
— Куда возьмет ? — На лебединый Донъ.
Тамъ у меня — ты знаешь? — бѣлый лебедь...

27го іюля 1918 г.

Бѣлогвардейцы ! Гордіевъ узель
Доблести русской !
Бѣлогвардейцы ! Бѣлые грузди
Пѣсенки русской !
Бѣлогвардейцы ! Бѣлыя звѣзды !
Съ неба не выскрести !
Бѣлогвардейцы ! Черные гвозди
Въ ребра Антихристу !

27го іюля 1918 г.

Надобно смѣло признаться, Лира !
Мы тяготѣли къ великимъ міра:
Мачтамъ, знаменамъ, церквамъ, царямъ,
Бардамъ, героямъ, орламъ и старцамъ,
Такъ, присягнувши на вѣрность — царствамъ,
Не довѣряютъ Шатра — вѣтрамъ.
Знаешь царя — такъ псаля не жалууй !
Вѣрность какъ якоремъ насъ держала:
Вѣрность вѣличью — винѣ — бѣдѣ,
Вѣрность великой винѣ вѣнчанной !
Такъ, присягнувши на вѣрность — Хану,
Не присягаютъ его ордѣ.
Вѣтранный вѣкъ мы застали, Лира !
Вѣтеръ въ клоки изодралъ мундиры,
Треплетъ послѣдній лоскутъ Шатра...
Новыя толпы — иные флаги !
Мы жъ остаемся вѣрны присягѣ,
Ибо дурные вожди — вѣтра.

1го августа 1918 г.

Если душа родилась крылатой —
Что ей хоромы — и что ей хаты !
Что Чингисъ-Ханъ ей и что — Орда !
Два на міру у меня врага,
Два близнеца, неразрывно-слитыхъ:
Голодь голодныхъ — и сытость сытыхъ !

5го августа 1918 г.

Подъ рокоть гражданскихъ бурь,
Въ лихую годину,
Даю тебѣ имя — миръ,
Въ наслѣдье — лазурь.

Отыйди, отыйди, Врагъ !
Храни, Троединый,
Наслѣдницу вѣчныхъ благъ
Младенца Ирину !

20го августа 1918 г.

Колыбель, овѣянная краснымъ !
Колыбель, качаемая чернью !
Громъ солдатъ — вдоль храмовъ — за вечерней...
А ребенкомъ вырастетъ — прекраснымъ.

Съ молокомъ кормилицы рязанской
Онъ всосалъ наслѣдственныя блага:
Троедиство Господа — и флага,
Русскій гимнъ — и русскія пространства.

Въ нужный день, на Божьемъ солнцѣ ясномъ,
Вспомнить долгъ дворянскій и дочерній —
Колыбель, качаемая чернью,
Колыбель, овѣянная краснымъ !

26го августа 1918 г.

[Моя вторая дочь Ирина — родилась 13го апрѣля 1917 г.,
умерла 2го февраля 1920 г. въ Срѣтеніе, отъ голода,
въ Кунцевскомъ дѣтскомъ пріютѣ].

Ты далъ намъ мужества —
На сто жизней !
Пусть земли кружатся,
Мы — недвижны.

И ребра — стойкія
На мытарства:
Дабы на койкѣ намъ
Помнить — Царство !

Свое подобье
Ты въ небо подняль —
Великой вѣрой
Въ свое подобье.

Такъ дай намъ вздоху
И дай намъ поту —
Дабы снести намъ
Твои щедроты !

17го сентября 1918 г.

Поступью сановнически-гордой
Прохожу сквозь строй простонародья.
На груди — цѣною въ три угодя —
Господомъ пожалованный орденъ.

Нынче праздникъ слугъ нелицемѣрныхъ:
Цѣлый дождь — въ подхваченныя полы !
Это Царь съ небеснаго престола
Орденами одѣляетъ — вѣрныхъ.

Руки прочь, народъ ! Моя — добыча !
И сіяетъ на груди суровой
Страстный знакъ Величья и Отличья,
Орденъ Льва и Солнца — листь кленовый.

25го сентября 1918 г., Сергіевъ День.

Надъ черною пучиной водною —
Послѣдній звонъ.
Лавиною простонародною
Низринуть тронъ.

Волóчится кровавымъ волокомъ
Пурпуръ царей.
Греми, греми, послѣдній колоколь
Русскихъ церквей !

Кропите, слѣзные жемчужинки,
Тронъ и алтарь.

Крѣпитесь, вѣрные содружники:
Церковь и царь !

Цари земные низвергаются.
— Царствіе ! — Будь !
Отъ колокола содрогаются
Городъ и грудь.

26го сентября 1918 г., день Іоанна Богослова.

Бури-вьюги, вихри-вѣтры васъ взлелѣяли,
А останетесь вы въ пѣснѣ — бѣлы-лебеди !

Знамя, шитое крестами, въ саванъ выщвѣло.
А и будетъ ваша память — бѣлы-рыцари.

И никто изъ васъ, сынки ! — не воротится,
А ведетъ ваши полки — Богородица !

12го октября 1918 г.

Царь и Богъ ! Простите малымъ —
Слабымъ — глупымъ — грѣшнымъ — шалымъ,
Въ страшную воронку втянутымъ,
Обольщеннымъ и обманутымъ, —

Царь и Богъ ! Жестокою казнію
Не казните Стеньку Разина !

Царь ! Господь тебѣ отплатить !
Съ насъ сиротскихъ воплей — хватить !
Хватить, хватить съ насъ покойниковъ !
Царскій Сынъ, — прости Разбойнику !

Въ отчій домъ — дороги разныя.
Пощадите Стеньку Разина !

Разинъ ! Разинъ ! Сказъ твой сказанъ !
Красный звѣрь смиренъ и связанъ.
Зубья страшные поломаны,
Но за жизнь его за темную,

Да за удалъ несуразную —
Развяжите Стеньку Разина !

Родина ! Истокъ и устье !
Радость ! Снова пахнетъ Русью !

Просіяйте, очи тускляя !
Веселися, сердце русское !

Царь и Богъ ! Для ради празднику —
Отпустите Стеньку Разина !

Москва, 1-ая годовщина Октябрю. Дни, когда Мамонтовъ подходилъ къ Москвѣ — и вся буржуазія мѣняла керенскія на царскія — а я одна не мѣняла (не только потому, что ихъ не было, но и) потому что знала, что не войдетъ въ Столицу — Бѣлый Полкъ !

Память А. А. Стаховича

A Dieu — mon ame
Mon corps — au Roy,
Mon cœur — aux Dames,
L'honneur — pour moi.

1

Не отъ запертыхъ на семь замковъ пекаренъ
И не отъ заледенѣлыхъ печекъ —
Барскимъ шагомъ — распрямляя плечи —
Ты сошелъ въ могилу, русскій баринъ !

Старый міръ пылалъ. Судьба свершалась.
— Дворянинъ, дорогу — дровосѣку ! *
Чернь цвѣла... А вблизи тебя дышалось
Воздухомъ Осмнадцатаго Вѣка.

И пока, съ дворцовъ срывая крыши,
Чернь рвалась къ добычѣ вождельной —
Вы bon ton, maintien, tenue — мальчишекъ
Обучали — подъ разгромъ вселенной !

Вы не вышли къ черни съ хлѣбомъ-солью,
И скрестились — отъ дворянской скуки ! —
Въ черномъ царствѣ трудовыхъ мозолей —
Ваши восхитительныя руки.

Москва, мартъ 1919 г.

NB ! Даже трудъ можетъ быть — отвратителенъ: даже — чужой !
если онъ въ любовь — навязанъ и въ славословіе — вмѣненъ.
МЦ — тогда и всегда].

* Если бы дровосѣку !

Высокой горести моей —
 Смиранные слѣды:
 На синей варежкѣ моей —
 Двѣ восковыхъ слезы.

Въ продрогшей цѣрковкѣ — морозъ,
 Паръ отъ дыханья — густъ.
 И съ синимъ ладаномъ слилось
 Дыханье нашихъ устъ.

Отмѣтили ли Вы, дружокъ,
 — Смирениѣ всего —
 Среди другихъ дымковъ — дымокъ
 Дыханья моего ?

Безукоризненностью рукъ
 Во всемъ родномъ краю
 Прославленный — простите, другъ,
 Что въ варежкахъ стою !

Мартъ 1919 г.

Алѣ

Въ шитой серебромъ рубашечкѣ,
 — Грудь какъ звѣздами унизана ! —
 Голова — цвѣточной чашечкой
 Изъ серебрянаго вырѣза.

Очи — два пустынныхъ озера,
 Два Господнихъ откровенія —
 На лицѣ, туманно-розовомъ
 Отъ Войны и Вдохновенія.

Ангель — ничего — всё ! — знающій,
 Плоть — былинкою довольная,
 Ты отца напоминаешь мнѣ —
 Тоже Ангела и Воина.

Можетъ — всё мое достоинство —
 За руку съ тобою странствовать.
 — Помолись о нашемъ Воинствѣ
 Завтра утромъ, на Казанскую !

5го іюля 1919 г.

С. Э.

Хочешь знать, какъ дни проходятъ,
Дни мои въ странѣ обидъ ?
Двѣ руки пилою водятъ,
Сердце — имя говорить.

Эхъ ! Прошелъ бы ты по дому —
Зналъ бы ! Такъ въ ночи пою,
Точно по чему другому —
Не по дереву — пилю.

И чудятъ, чудятъ пилою
Руки — вольныя досель.
И мететь, мететь метлою
Богородица-Метель.

Ноябрь 1919 г.

Дорожкой простонародною,
Смиренною, богоугодною,
Идемъ — свободныя, немодныя,
Душой и тѣломъ — благородныя.

Сбылися древнія пророчества:
Гдѣ вы — Величества ? Высочества ?

Мать съ дочерью идемъ — двѣ странницы.
Чернь черная навстрѣчу чванится.
Быть-можетъ — вздохъ отъ насъ останется,
А можетъ — Богъ на насъ оглянется...

Пусть будетъ — какъ Е м у захочется:
Мы не Величества, Высочества.

Такъ, скромныя, богоугодныя,
Душой и тѣломъ — благородныя,
Дорожкой простонародною —
Такъ, доченька, къ себѣ на родину:

Въ страну Мечты и Одиночества —
Гдѣ мы — Величества, Высочества.

[Вписываю во памяти и дум а ю , что осень 1919 г.]

Бальмонту

Пышно и безстрастно вянуть
Розы нашего румянца.
Лишь камзолъ тѣснѣ стянуть:
Голодаемъ какъ испанцы.

Ничего не можемъ даромъ
Взять — скорѣе гору сдвинемъ !
И ко всѣмъ гордынямъ старымъ —
Голодъ: новая гордыня.

Въ вывернутой наизнанку
Мантіи Враговъ Народа
Утверждаемъ всей осанкой:
Луковица — и свобода.

Жизни ломовое дышло
Спѣси не перешибило
Скакуну. Какъ бы не вышло:
— Луковица — и могила.

Будеть нашъ отвѣтъ у входа
Въ Рай, подъ деревцемъ миндальнымъ:
— Царь ! На пиршествѣ народа
Голодали — какъ гидальго !

Ноябрь 1919 г.

1920 г.

Кремлю:

Надъ твоимъ черноголовымъ вѣрхомъ
Вѣроны кружатъ...

—

Ты уходишь день, не открывъ Кремля.
Ты плывешь въ колокольномъ звонѣ...
Изъ Двадцатаго Года уходишь ты,
Вербное Воскресенье !

Благовѣщенье — внукъ твой — откроетъ рѣку...
— Изъ Двадцатаго года, изъ Двадцатаго Вѣка...

[Алины стихи — Москва, весна 1920 г.]

Я эту книгу поручаю вѣтру
И встрѣчнымъ журавлямъ.
Давнымъ-давно — перекричатъ разлуку —
Я голосъ сорвала.

Я эту книгу, какъ бутылку въ волны,
Кидаю въ вихрь войнъ.
Пусть странствуетъ она — свѣчей подь праздникъ —
Вотъ такъ: изъ длани въ длань.

О вѣтеръ, вѣтеръ, вѣрный мой свидѣтель,
До милыхъ донеси,
Что еженощно я во снѣ свершаю
Путь — съ Сѣвера на Югъ.

Москва, февраль 1920 г.

Блоку

Какъ слабый лучъ сквозь черный морокъ адовъ —
Такъ голосъ твой подь рокоть рвущихся снарядовъ. *

И вотъ, въ громахъ, какъ нѣкій серафимъ,
Оповѣщаетъ голосомъ глухимъ

— Откуда-то изъ древнихъ утръ туманныхъ —
Какъ насъ любилъ, слѣпыхъ и безымянныхъ,

За синій плащъ, за вѣроломства — грѣхъ...
И какъ — вѣрнѣе всѣхъ — тѣ, глубже всѣхъ

Въ ночь канувшую — на дѣла лихія !
И какъ не разлюбилъ тебя, Россія !

И вдоль виска — потеряннымъ перстомъ —
Всѣ водить, водить... И еще о томъ,

Какіе дни насъ ждутъ, какъ Богъ обманетъ,
Какъ станешь солнце звать — и какъ не встанетъ...

Такъ, узникомъ съ собой наединѣ,
(Или ребенокъ говоритъ во снѣ ?)

Предстало намъ — всей площади широкой ! —
Святое сердце Александра Блока.

Апрѣль 1920 г.

* Достоверно: подь звуки взрывовъ съ Ходынки и стекольный дождь, подь к-ымъ шли — онъ на эстраду, мы — въ залъ. Но, помимо этой достоверности — подь рокоть рвущихся снарядовъ Революціи. М. Ц.

Ex-ci-devant
(отзвукъ Стаховича)

Хоть сто мозолей — трехъ вѣковъ не скроешь !
Рукъ не исправишь — топоромъ рубя !
О, откровеннѣйшее изъ сокровищъ:
Порода ! — узнаю Тебя.

Какъ ни коптись надъ ржавой сковородкой —
Всё вокругъ тебя твоихъ Версалеи — тишь.
Нѣтъ, самую косою косовороткой
Ты шеи не укоротишь.

Надъ снѣжнымъ валомъ или надъ трубной сажеей
Дугой согбень, всё жь — гордая спина !
Не окрикомъ, — всё той же барской блажью
Тебѣ работа задана.

Вымѣнивай по нищему Арбату
Дрянную сельдь на пачку папирозъ —
Все равенство нарушить — носъ горбатый:
Ты — горбоносъ, а онъ — курносъ.

Но если вдругъ, утомлено получкой,
Тебѣ дитя цвѣтокъ протянетъ — въ дань,
Ты такъ же поцѣлуешь эту ручку,
Какъ нѣкогда — Царицы длань.

Июль 1920 г.

Петру

Вся жизнь твоя — въ единомъ крикѣ:
— На дѣдовъ — за сыновъ !
Нѣтъ, Государь Распровеликій,
Распорядитель сновъ,

Не на своихъ сыновъ работалъ, —
Бѣсамъ на торжество ! —
Царь-Плотникъ, не стирая пота
Съ обличья своего.

Не ты бь — все по сугробамъ санки
Тащилъ бы мужичекъ.
Не гнилъ бы тамъ на полустанкѣ
Послѣдній твой внучекъ. *

* Въ Москвѣ тогда думали, что Царь разстрѣлянъ на какомъ-то уральскомъ полустанкѣ.

Не ладилъ бы, лба не подъемля,
Ребѣчьихъ кораблѣвъ —
Вся Русь твоя святая въ землю
Не шла бы безъ гробовъ.

Ты подъ котель кипящій этотъ —
Самъ подложилъ углей !
Родоначалникъ — ты — Совѣтовъ,
Ревнитель Ассамблей !

Родоначалникъ — ты — развалинь,
Тобой — скиты горять !
Твоею же рукой провален
Твой баснословный градъ...

Соль высолилъ, измылилъ мыльце —
Ты, Государь-кустарь !
Державнаго однофамильца
Кровь на тебѣ, бунтарь !

Но нѣтъ ! Конецъ твоимъ затѣямъ !
У брата есть — сестра... —
На Интернаціональ — за теремъ !
За Софью — на Петра !

Августъ 1920 г.

Есть въ станѣ моемъ — офицерская прямоть,
Есть въ ребрахъ моихъ — офицерская честь.
На всякую мѹку иду не упрямясь:
Терпѣнье солдатское есть !

Какъ будто когда-то прикладомъ и сталью
Мнѣ выправили этотъ шагъ.
Недаромъ, недаромъ черкесская талья
И тѣсный ремѣнный кушакъ.

А зорю заслышу — Отецъ ты мой рѹдный ! —
Хоть райскія — штурмомъ — врата !
Какъ будто нарочно для сумки походной —
Раскинутыхъ плечъ широта.

Всѣ можетъ — какой инвалидъ ошалѣлый
Надъ люлькой мнѣ пѣсенку спѣль...
И что-то отъ этого дня — уцѣлѣло:
Я слово беру — на прицѣль !

И такъ мое сердце надъ Рэ-сэ-фэ-сэромъ
Скрежещетъ — корми-не корми ! —

Какъ будто сама я была офицеромъ
Въ Октябрьскіе смертныя дни.

Сентябрь 1920 г.

[NB! Эти стихи въ Москвѣ назывались «про красного офицера»,
и я полтора года съ неизмѣннымъ громкимъ успѣхомъ читала ихъ
на каждомъ выступленіи по неизмѣнному вызову курсантовъ].

Объ ушедшихъ — отошедшихъ —
Въ горній лагерь перешедшихъ,
Въ бѣлый станъ тотъ журавлиный —
Голубиный — лебединый —

О тебѣ, моя высь,
Говорю, — отзовись !

О младыхъ дубовыхъ рощахъ,
Въ небо росшихъ — и не выросшихъ,
Объ упавшихъ и не вставшихъ, —
Въ вѣчность перекочевавшихъ, —

О тебѣ, наша Честь,
Воздыхаю — дай вѣсть !

Каждый вечеръ, каждый вечеръ
Руки вамъ тяну навстрѣчу.
Тамъ, въ просторахъ голубиныхъ —
Сколько у меня любимыхъ !

Я на красной Руси
Зажилась — вознеси !

Октябрь 1920 г.

(Взятіе Крыма)

И страшные мнѣ снятся сны:
Телѣга красная,
За ней — согбенные — моей страны
Идутъ сыны.

Золокудраго воздѣвъ
Ребенка — матери
Вопятъ. На паперти
На стягъ
Пурпуровый маша рукой безпалой,

Вопить калѣка, тряпкой алой
Горить безногаго костыль,
И красная — до неба — пыль.

Колеса ржавыя скрипятъ.
Конь пляшетъ, взбѣшенный.
Всѣ окна флагами кипятъ.
Одно — завѣшено.

Ноябрь 1920 г.

Буду выпрашивать воды широкаго Дона,
Буду выпрашивать волны турецкаго моря,
Смутное солнце, что въ каждомъ бою имъ свѣтило,
Гулкiя выси, гдѣ воронъ, насытившись, дремлетъ.

Скажетъ мнѣ Донъ: — Не видалъ я такихъ загорѣлыхъ !
Скажетъ мнѣ море: — Всѣхъ слезъ моихъ плакать — не хватить !
Солнце въ ладони уйдетъ, и прокаркаетъ вѣронъ:
Трижды сто лѣтъ живу — кости не видѣлъ бѣлѣ !

Я журавлемъ полечу по казачьимъ станицамъ:
Плачутъ ! — дорожную пыль допрошу: провожаетъ !
Машетъ ковыль-трава вслѣдъ, распушила султаны.
Красень, охъ, красень кизиль на горбу Перекопа !

Всѣхъ допрошу: тѣхъ, кто съ миромъ въ ту лютую пору
Въ люлькѣ мотались.
Черепъ въ камняхъ — и тому не уйти отъ допросу:
Бѣлый походъ, ты нашелъ своего лѣтописца.

Ноябрь 1920 г.

Охъ, грибокъ ты мой, грибочекъ, бѣлый груздь !
То шатаясь причитаетъ въ полѣ — Русь.
Помогите — на ногахъ нетверда !
Затуманила меня кровь-руда !

И справа и слѣва
Кровавыя зѣвы,
И каждая рана:
— Мама !

И только и это
И внятно мнѣ, пьяной.
Изъ чрева — и въ чрево:
— Мама !

Всѣ рядкомъ лежатъ —
Не развестъ межой.
Поглядѣть: солдатъ.
Гдѣ свой, гдѣ чужой ?

Бѣлый былъ — краснымъ сталъ:
Кровь обагрила.
Краснымъ былъ — бѣлый сталъ:
Смерть побѣлила.

— Кто ты ? — бѣлый ? — не пойму ! — привстань !
Аль у красныхъ пропадалъ ? — Ря-азань.

И справа и слѣва
И сзади и прямо
И красный и бѣлый:
— Мама !

Безъ воли — безъ гнѣва —
Протяжно — упрямо —
До самого неба:
— Мама !

Декабрь 1920 г. [1ый день рождества]

Плачь Ярославны

Вопль стародавній,
Плачь Ярославны —
Слышите ?

Съ башенной вышечки
Неперерывный
Вопль — неизбывный:

— Игорь мой ! Князь
Игорь мой ! Князь
Игорь !

Воронъ, не сглазь
Глазъ моихъ — пусть
Плачуть !

Солнце, мечи
Стрѣлы въ нихъ — пусть
Слѣпнуть !

Кончена Русь !
Игорь мой ! Русь !
Игорь !

Джетъ лѣтописецъ, что Игорь опять въ домъ свой
Солнцемъ взошелъ — обманулъ насъ Баянъ льстивый.
Знаешь конецъ ? Тамъ, гдѣ Донъ и Донецъ — плещуть,
Паль межъ знаменъ Игорь на сонъ — вѣчный.

Бѣлое тѣло его — воронъ клеваль.
Бѣлое дѣло его — вѣтеръ сказалъ.

Подымайся, вѣтеръ, по оврагамъ,
Подымайся, вѣтеръ, по равнинамъ,
Торопись, вѣтрило-вихрь-бродяга,
Надъ тѣмъ Дономъ, бѣлымъ Дономъ лебединымъ !

Долетай до городской до стѣнки,
Съ ко́ей по́ миру несется плачь надгробный.
Не гляди, что подгибаются колѣнки,
Что тускнѣеть ея ликъ солнцеподобный...

— Вѣтеръ, вѣтеръ !
— Княгиня, вѣсть !
Князь твой мертвый лежитъ —
За честь !

—

Вопль стародавній,
Плачь Ярославны —
Слышите ?
Вопль ея — ярый,
Плачь ея, плачь —
Плавный:

— Кто мнѣ заздравную чару
Изъ рукъ — выбилъ ?
Старой не быть мнѣ,
Подъ камешкомъ гнить,
Игорь !

Дѣрномъ-глиной заткните ротъ
Алый мой — нонче жъ.
Конченъ
Бѣлый походъ.

23го декабря 1920 г.

Съ Новымъ Годомъ, Лебединый стань !
Славные обломки !
Съ Новымъ Годомъ — по чужимъ мѣстамъ —
Воины съ котомкой !

Съ пѣной у рта пляшетъ, не догнавъ,
Красная погоня !
Съ Новымъ Годомъ — битая — въ бѣгахъ
Родина съ ладонью !

Приклонись къ землѣ — и вся земля
Пѣсню заздравной.
Это, Игорьъ, — Русь черезъ моря
Плачетъ Ярославной.

Томнымъ стономъ утомляетъ грусть:
— Братъ мой ! — Князь мой ! — Сынъ мой !
— Съ Новымъ Годомъ, молодая Русь
Зá моремъ за синимъ !

Москва, 31го русск. декабря 1920 г.

— Здесь кончается мой Лебединый Стань. Конечно — я могла бы включить въ него всю Раздуку, всего Георгія, и вообще добрую четверть Ремесла — и навѣрное ещё есть — но — я тогда этого не сдѣлала, кончила свой Лебединый Стань — вмѣстѣ съ тѣмъ.

М. Ц.

Dives-sur-Mer, 30го апрѣля 1938 г.